Письма из чужой жизни

Селиванов
Александр Владимирович

Александр Селиванов

Письма из чужой жизни

«Автор»
2025

Селиванов А. В.

Письма из чужой жизни / А. В. Селиванов — «Автор», 2025

Что останется, если стереть имя? Что переживёт человека, когда исчезнет всё, что он помнил о себе? В мире, где память — это система, а письмо — единственный способ не исчезнуть, один человек пытается собрать себя из обрывков. Ему не нужен геройский путь. Ему нужно только — быть. Писать, чтобы не стать тенью. Слышать, чтобы не забыть голос. И, может быть, однажды — простить.«Письма из чужой жизни» — не роман, а документ тишины. История о тех, кого нельзя назвать, но можно почувствовать. Это не текст, а отражение. И если вы открыли первую страницу — значит, письмо уже начало своё движение к вам.

© Селиванов А. В., 2025
© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1. ОНА УШЛА ДО ТОГО, КАК Я УСПЕЛ СТАТЬ СОБОЙ 6
ГЛАВА 2. ОНИ НЕ УМЕЮТ ПРОЩАТЬ, ТОЛЬКО ЗАБЫВАТЬ 7
ГЛАВА 3. ЕСЛИ ХОТИТЕ ЗНАТЬ, Я НЕ ВСЕГДА БЫЛ ТАКИМ 8
ГЛАВА 4. ЕЁ НОВАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ МЕНЯ 9
ГЛАВА 5. ЕСЛИ КТО-ТО ЧИТАЕТ ЭТИ ПИСЬМА 10
Глава 6. Возвращение без адреса 11
Глава 7. Старые долги 12
Глава 8. Женщина в чёрном 13
Глава 9. Когда слово весит больше пули 14
Глава 10. Кто-то смотрит 15
Глава 11. Пыль прошлого 16
Глава 12. Друг из тени 17
Глава 13. Шёпот 18
Глава 14. Женщина в чёрном 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Александр Селиванов
Письма из чужой жизни

«Иногда, чтобы не исчезнуть, достаточно быть написанным.»

ПРОЛОГ

Я не знал, зачем начал всё это писать. Поначалу – чтобы запомнить. Потом – чтобы забыть. Но чем больше строк появлялось, тем меньше я понимал, где заканчиваются они и начинаюсь я. Теперь мне кажется, что я – это просто сшитое из фраз тело, и голос мой – чужой.

ГЛАВА 1. ОНА УШЛА ДО ТОГО, КАК Я УСПЕЛ СТАТЬ СОБОЙ

Я не виню её. Нет, правда. Даже сейчас, когда прошло сто тринадцать дней, и я помню, как пах её кофе утром, а не своё собственное имя – даже теперь я не держу зла. Она ушла, не дождавшись, когда я стану тем, кем, как мне казалось, должен был быть. Я слишком долго собирался в дорогу, стоя у зеркала без лица. А она – взяла и пошла. Просто. Спокойно. Как будто выключила свет и оставила дверь приоткрытой. Но вот что странно: я начал говорить с собой. Не так, как бывает в фильмах – когда герой бьётся в истерике, а потом вдруг находит спасение. Нет. Я говорил шёпотом. На кухне. У ванной. В лифте. Я проговаривал её имя, чтобы оно не исчезло из языка. Как будто, если перестану – сдохну. Иногда казалось, что всё это – спектакль. И я сам себе зритель. И я же – клоун. Я проклинал себя за все вещи, которые не сделал. Не сказал. Не почувствовал вовремя. Я обнимал подушку так, как будто мог сломать себе руки – лишь бы забыть, как её кожа отзывалась на мои ладони. Теперь я – просто человек, у которого отняли возможность повторить. Всё, что у меня есть – это память. И она врет. Я пишу это письмо не ей. Себе. Потому что мне нужен кто-то, кто скажет: «Ты жив». А я не уверен.

ГЛАВА 2. ОНИ НЕ УМЕЮТ ПРОЩАТЬ, ТОЛЬКО ЗАБЫВАТЬ

Женщины не прощают. Не потому что злы, а потому что не умеют. Им проще сказать себе: «не было», чем простить «было». Я понял это, когда вернулся. А дома – пусто. Ни цветов, ни скандала. Ни фото, ни следа. Только воздух, который больше не пах ею. Она стерла всё. Чисто. Как хирург, удаляющий опухоль. Я – это была её боль. И она вырезала меня с мясом. Я смотрел на своё отражение в окне и не узнавал себя. Как будто человек, стоящий на другом конце стекла, давно уже умер. Смешно. Я считал себя важным. Думающим. Глубоким. А оказался тем, о ком забывают, не успев дослушать до конца. Я не пишу ей. Потому что не знаю, существует ли она теперь. А если и да – это уже не она, а та, что стала после меня. Я просто оставляю это письмо здесь. Как на мокром асфальте: может, кто-то найдёт, наступит – и почувствует, как хрустит стекло под ногами. Как хрустнуло внутри у меня.

ГЛАВА 3. ЕСЛИ ХОТИТЕ ЗНАТЬ, Я НЕ ВСЕГДА БЫЛ ТАКИМ

Если хотите знать – я не всегда был таким. Когда-то я умел смеяться без повода. Ждал звонка не из страха, что бросят, а из радости, что вспомнили. Спал спокойно. Говорил легко. Смотрел в глаза. Мечтал. Но однажды кто-то ткнул пальцем в моё сердце и сказал: «Смотри, тут пусто». И с тех пор я начал проверять каждое утро, не исчез ли совсем. Быть может, это началось не с неё. Может, раньше. С отца, который не умел разговаривать. С матери, которая всё ждала, что я вырасту и стану тем, кем она не стала. С себя – вечного мальчика, прячущего записки в ботинках. Я пытался быть другим. Пытался любить по-настоящему. Без условий. Без контроля. Но каждый раз, как только я раскрывался, меня били туда, где было тонко. Я стал крепче, да. Но не лучше. Теперь я живу с этим чувством, что вся моя жизнь – как записка, написанная чужим почерком. Я её читаю, но не понимаю. И не знаю, можно ли её перечеркнуть. Я не знаю, чего жду. Что кто-то скажет: «Ты всё ещё человек?» Или что кто-то прижмётся лбом и скажет: «Я с тобой, даже если ты сломан». Но таких не осталось. Остались только письма. А я их пишу. Чтобы не исчезнуть окончательно.

ГЛАВА 4. ЕЁ НОВАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ МЕНЯ

Я видел её в городе. Случайно, как всегда бывает то, чего боишься больше всего. Она шла по набережной, с кем-то, кого не знал. Волосы другие. Плечи прямее. Смеётся по-другому – открыто, громко. Так, как со мной не умела. Я стоял по другую сторону улицы, будто в другой реальности. И чувствовал, как земля сдвигается. Не от боли – от пустоты. Я стал лёгким, почти невесомым. Как пепел. Мне казалось, она повернётся. Остановится. Скажет: «Здравствуй». Но нет. Она прошла мимо. Как будто меня никогда не существовало. Это была кульминация моего исчезновения. Не смерть. Не ссора. Не прощание. А тишина. Абсолютное молчание, в котором я понял: я – вычеркнут. Окончательно. И всё же я улыбнулся. Глупо. Почти по-детски. Потому что, наверное, любил. Если не её – то хотя бы того, кем был рядом с ней.

ГЛАВА 5. ЕСЛИ КТО-ТО ЧИТАЕТ ЭТИ ПИСЬМА

Если кто-то читает эти письма – значит, я не напрасен. Значит, мои шрамы имеют форму букв, а одиночество – вес бумаги. Я не знаю, кем вы будете для меня. Другом? Свидетелем? Случайным прохожим? Мне всё равно. Главное, чтобы хоть кто-то сказал: «Я понял». Или хотя бы – «Я чувствовал так же». Мы живём как немые. Мысли кричат, а губы молчат. И если не писать – можно сойти с ума. Или стать тем, кто улыбается по команде и пьёт по привычке. Я не хочу быть таким. Я не хочу, чтобы всё, что чувствовал, ушло в никуда. Поэтому я пишу. Страницу за страницей. Письмо за письмом. Чтобы хоть где-то осталась правда. Моя. И если ты – тот, кто читает сейчас… Спасибо, что живой.

Глава 6. Возвращение без адреса

Утро выдалось серым и слипшимся, как мокрые страницы старой газеты. Евгений лежал в кровати, глядя в потолок, где пятна от зимнего потопа превратились в архипелаг призрачных островов. В голове крутилось одно и то же: «Надо встать… Надо двигаться…» Но тело будто принадлежало другому человеку. На кухне гудел старый холодильник, нарушая тишину, как будто всё внутри него сговорилось жить отдельной жизнью. Евгений не завтракал – только налил чёрный кофе, крепкий, как грубое слово, и уставился в экран телефона. Там было уведомление. Письмо. Электронное. С пометкой: "отправитель неизвестен". Он долго не открывал его, как не прикасаются к письмам с похоронной ленты. Но в конце концов – щёлкнул. «Ты меня не знаешь. И может быть – не узнаешь никогда. Но я был рядом, когда тебе было восемнадцать. И я хочу, чтобы ты вспомнил. Тогда, на берегу Камы, в том синем плаще, ты сказал одну фразу, которая спасла мою жизнь. Я не забыл. И ты не забудь себя». Письмо не было подписано. Не было даже адреса ответа. Лишь дата: март 2009. Евгений провёл пальцем по экрану. Воспоминания вернулись, как будто ударили в грудь. Март 2009. Он тогда жил в общежитии ПГТУ, таскал бетон в промёрзшие пальцы, и по ночам писал стихи. Именно тогда он впервые увидел Лёху – парня из соседнего блока. Лёха был странный. Говорил мало, но всегда слушал. – У тебя глаза усталые, – сказал он как-то Евгению. – Это не глаза. Это жизнь такая. Они часто сидели на набережной, пили дешевое вино, смотрели на лёд, тающий в Каме. Однажды Лёха заплакал. Сказал, что не может больше – ни жить, ни дышать, ни молчать. Евгений не обнял его. Просто сказал: – Потерпи. Скоро всё будет по-другому. Просто потерпи. И Лёха потерпел. Потом исчез. Навсегда. Евгений закрыл письмо. Сел на подоконник и курил, смотря на улицу, где таяли сугробы и дети катались на картонках. Внезапно внутри родилась дрожь. Как будто его кто-то звал. Жизнь намекала, что ещё не всё сказано.

Глава 7. Старые долги

В тот же вечер раздался звонок. Не из мессенджера, не с рекламой. Старый номер – сотовый, которого он не видел лет десять. – Алло… – Женя? Это Макс. Помнишь меня? Макс. Его лучший друг до 2015 года. Потом – ссора. Из-за женщины, из-за работы, из-за обиды. – Ты где взял мой номер? – Нашёл через общих. Мне надо с тобой увидеться. Встреча состоялась в баре у вокзала. Там пахло жареной рыбой, старым табаком и новыми бедами. Макс был неузнаваем. Лысый, но глаза – те же. Острые, честные, тревожные. – Я уезжаю в Крым. Насовсем. Но сначала должен тебе сказать… И он сказал. Оказалось, что та ссора была подстроена. Что женщина, которую они делили, врала обоим. Что Макс до сих пор помнит, как Евгений спас его от попытки суицида в 2012-м, и до сих пор чувствует вину. Они выпили. Сказали много. Но главное – Макс передал ему конверт. – Это тебе. Ты не откроешь его сейчас. Ты поймёшь, когда. И исчез в ночи. Евгений остался с письмом. Конверт был плотный, жёлтый, старый. Внутри – то, что изменит всё. Но он пока не открывает. И вот он снова один. Но в этот раз – не пустой. Внутри начинает нарастать странное чувство, как будто что-то близко. Очень близко. И это – его судьба.

Глава 8. Женщина в чёрном

На следующее утро Евгений проснулся раньше будильника. Небо за окном было окрашено в выцветший сиреневый – как старая открытка, забытая между страниц учебника. Он пил кофе без сахара и смотрел на конверт. Руки не поднимались открыть его. Он чувствовал – это не просто бумага. Это что-то большее. Когда он вышел на улицу, воздух был полон тонкой весенней пыли. Ветер тянул за собой кусочки газет и воспоминаний. На перекрёстке его взгляд зацепился за фигуру. Женщина. В чёрном плаще. Стояла, не двигаясь. Он шёл мимо, но она заговорила, не глядя на него: – Ты долго не открывал письмо. Ты боишься, да? Он замер. – Простите… Вы кто? – Просто прохожая. Просто память. Или, может, совесть. Не важно. Главное – не тяни. Оно не ждёт вечно. Он хотел спросить ещё, но женщина уже шла прочь, растворяясь в толпе. Как будто и не было её вовсе.

Глава 9. Когда слово весит больше пули

В этот день он решился. Разрезал край конверта ножом. Бумага внутри была плотной, как кожа старика. Первый лист. Ровный почерк. Женский. «Женя. Ты не помнишь меня. Но я – помню тебя. Ты сидел в кафе, тогда, в январе 2011-го, и писал что-то в тетрадь. Я сидела за соседним столиком. Я только что вышла из прокуратуры. Хотела покончить с собой. А потом услышала, как ты сказал официанту: «Если есть сердце, оно всегда стучит. Даже в пепле». Я не знаю, кому ты это говорил. Но эти слова оставили меня в живых. Теперь я адвокат. И я тебе кое-что должна. Ты стал случайной частью моего спасения. А значит, у тебя право знать правду. О себе. О том, что от тебя скрыли. Начнём с одного имени: Ольга Зиновьева. Она не та, за кого себя выдавала.» Он перечитал трижды. Сердце било в горле. Ольга Зиновьева – это мать его первой любви. Женщина, которая когда-то назвала его «опасным». Женщина, чьё имя он пытался забыть, как забывают запах формалина в морге. А дальше – ещё три страницы. О подложных делах. О психиатрической экспертизе, которую проводили без согласия. О человеке по имени доктор Пляскин, чьи подписи стояли в документах на многих молодых парней, которых «удобно» было списать со счёта. – Что за чертовщина?.. Он поднялся. Залитый светом, комната казалась картиной Эдварда Хоппера – одиночество в цвете. Он понял: это только начало. Он втянут. Он часть чего-то большего, чем его жизнь. И всё началось с письма. Из чужой жизни.

Глава 10. Кто-то смотрит

На следующий день он заметил, что за ним следят. Сначала – тень у магазина. Потом – фигура в сером возле подъезда. Невысокий мужчина с густыми бровями и телефоном у уха, который всегда говорил одно и то же: – Да-да, я уже здесь. Он вышел. Следую. И каждый раз, когда Женя приближался, тот растворялся. Он пытался отмахнуться: паранойя, всё накрутил. Но вечером, когда пришёл домой, его дверь была приоткрыта. Квартира была пуста. Но на столе лежал ещё один конверт. Без марки. Без адреса. Только надпись:» не доверяй никому». Он взял письмо, руки дрожали. И только потом заметил, что из его старой книги – «Идиот» Достоевского – вырван один лист. Именно тот, где князь Мышкин говорит: «Иногда сердце знает всё раньше головы». И Евгений понял – эта история не выдумка. И он не герой. Он – цель.

Глава 11. Пыль прошлого

Евгений сидел на полу среди разорванных бумаг и фотографий. Ещё час назад это был его архив – старые письма, блокноты, клочки газет. Теперь – поле боя, где каждое слово могло быть уликой. Конверт, найденный в квартире, содержал лишь одну фразу, вырезанную из журнальных заголовков: «Твоя мать была не той, кем казалась». Мать… Он давно не вспоминал её. Ушла рано, оставив после себя только серую папку с медицинскими выписками и пару фотографий с дачи. Но теперь, из глубины пыли, всплыл ещё один документ. Пожелтевшее письмо, датированное 1987 годом. Писала женщина по имени Валентина В. «Соня, ты совершаешь ужасную ошибку. Этот эксперимент над детьми – ты ведь знаешь, как он закончится. Евгений ни в чём не виноват. Он не обязан нести это. Ты не имеешь права прятать от него правду. Он должен знать, кто его отец.» Имя отца в письме было зачёркнуто. Но что-то внутри подсказывало: оно уже звучало где-то. Может, в тех странных снах, где высокий мужчина в очках стоял у окна и говорил: «Сила в бессилии. Если ты это поймёшь – выживешь».

Глава 12. Друг из тени

– Евгений? Он обернулся. В дверях стоял человек, с которым он не виделся десять лет. Гриша. Друг юности. Когда-то – единственный, кто не смеялся над его странностями. Тот самый, кто однажды вытащил его с рельсов, где Евгений сидел, глядя в пустоту. – Ты… Ты откуда? – Долгая история. Скажем так, кто-то хочет, чтобы ты перестал копать. А я – чтобы ты продолжал. Гриша достал флешку. – Здесь видео. Оно датировано 1992 годом. Снято в подвале одной пермской больницы. Там – твоя мать. И ты. Маленький. В окружении врачей. Евгений вздрогнул. – Что они делали? – Тестировали. Твое поведение. Реакции. Болевой порог. Эмоции. Они называли это «Проект Шёпот». И ты – один из тех, кто выжил.

Глава 13. Шёпот

Он смотрел запись. Плохое качество, серая пелена экрана. Женщина с короткой стрижкой – его мать – что-то шепчет на ухо мальчику, тот дрожит. Камера отдаляется. В кадре появляется врач. Доктор Пляскин. Его глаза пусты, голос ледяной: – Этот экземпляр проявляет нестабильность. Но уровень эмпатии выше среднего. Возможно, можно адаптировать. Стереть память. Создать ложное детство. Сердце стучало, как молот. Он остановил видео. – Меня создали? – выдохнул он. – Нет, брат. Но пытались переписать. Как книгу. Только ты – не бумага. Гриша положил руку ему на плечо. – Нас таких больше. Я тоже был там. Не в той группе. Но рядом. Мы – остались. И они теперь хотят, чтобы мы забыли. Или исчезли. Евгений встал. Его жизнь рушилась, но внутри крепло что-то новое. Гнев? Справедливость? Желание знать – неважно. Важно было одно: он не отступит. И в этом новом письме, написанном телом, кровью и памятью, он собирался расставить все точки.

Глава 14. Женщина в чёрном

Она появилась снова. Той же ночью. Сидела на скамейке у старого кинотеатра, в длинном пальто и перчатках, как будто вышла из фильма пятидесятилетней давности. Волосы убраны под вуаль. Но глаза – узнал бы в любой темноте. – Евгений, ты открыл ящик. Теперь назад дороги нет. Он сел рядом. Без слов. Взгляд в сторону, как у школьников, которые понимают: их застали на краже, но соврать – хуже. – Кто вы? – Когда-то… я была твоей наставницей. Сейчас – последняя, кто остался жив. Мы писали письма. Чтобы сохранить правду. Потому что память можно стереть. Но не письмо. – Что вы от меня хотите? – Чтобы ты стал тем, кем должен. Чтобы закончил то, что мы начали. Она передала ему тетрадь. Внутри – письма. Не к нему. И не от него. Кому-то по имени «Ворон». Сложные, насыщенные, тревожные. В каждом – загадка. Или предупреждение. «…Если Ворон выживет, он соберёт всех. Если нет – наступит молчание. Мы больше не будем помнить, кто мы.» Евгений перевернул последнюю страницу. Там была его фотография. Мальчик. Ворон. И тогда он понял – игра началась раньше, чем он родился. И финал ещё впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.